

RU

Речевой портрет М. Горького: стилистические особенности письменной коммуникации в переписке с В. Поссе (1898-1901 гг.)

Караханян Н. Ж.

Аннотация. Цель исследования – дать характеристику эпистолярного стиля М. Горького на материале его переписки с В. Поссе, значимой фигурой литературного процесса рубежа веков. В письмах к Поссе поднимались вопросы философско-мировоззренческого характера, проблемы художественного творчества, издательской политики, личные взаимоотношения, что обусловило соединение в пределах одного письма особенностей, характерных для различных стилей речи. Научная новизна заключается в доказательстве положения о том, что коммуникативные и прагматические особенности эпистолярного текста Горького находятся в прямой зависимости от личности адресата, содержания обсуждаемых вопросов, времени и места ответа на письмо корреспондента, а также исторической и личной ситуации, в которой находится адресант. В результате исследования было установлено, что речевой портрет Горького представляет собой текстовую структуру, обладающую системностью и отражающую особенности стиля его письменной коммуникации. Системообразующими элементами речевого портрета являются: ориентация на высказывание адресата, наличие в тексте микросюжетов, относящихся к обсуждению общественно-политической ситуации, характеристике участников литературного процесса, прием парадокса, обостряющий ситуацию диалога-спора, введение в текст письма рассеянного разноречия, косвенной речи вместо цитирования, стилевая неоднородность высказывания, использование просторечной лексики.

EN

Speech portrait of M. Gorky: Stylistic features of written communication in his correspondence with V. Posse (1898-1901)

Karakhanyan N. J.

Abstract. The research aims to characterise the epistolary style of M. Gorky using the material of his correspondence with V. Posse, a significant figure in the literary process at the turn of the century. Questions of a philosophical and ideological nature, problems of artistic creativity, publishing policy, personal relationships were raised in the letters to Posse, which led to the combination of features characteristic of different styles of speech within the same letter. The scientific novelty consists in proving the thesis that the communicative and pragmatic features of Gorky's epistolary text are directly dependent on the personality of the addressee, the content of the issues discussed, the time and place of its writing, as well as the historical and personal situation faced by the addresser. The attained results have shown that Gorky's speech portrait is a textual structure that has consistency and reflects the peculiarities of his written communication style. The system-forming elements of the speech portrait are: the orientation to the addressee's utterance, the presence of micro-plots related to the discussion of the socio-political situation, the characteristics of the participants in the literary process in the text, the paradox technique that aggravates the situation of a dialogue-dispute, the introduction of scattered heteroglossia, indirect speech instead of quotation into the text of the letter, the stylistic heterogeneity of the utterance, the use of vernacular vocabulary.

Введение

Актуальность темы определяется обращением к исследованию стилевых особенностей эпистолярного наследия М. Горького как к тексту, для которого характерна некоторая однородность содержательных элементов, определивших набор языковых средств, используемых в процессе его создания (Лотман, 1972). Переписка с В. Поссе отражает особенности эпистолярного общения Горького с одним из ведущих представителей

критики рубежа XIX–XX вв., оказавшего значительное влияние на отечественный литературный процесс рассматриваемого периода. Анализ проблематики и языковых особенностей писем корреспондентов дает основание восстановить образ эпохи, нашедшей воплощение в эпистолярии М. Горького, дать характеристику фактов, событий, идей, привлекая внимание молодого писателя, установить функциональные особенности речевых средств, с помощью которых передана авторская интенция. Обращение к эпистолярному наследию М. Горького позволит уточнить вектор становления литературного стиля Горького-художника, особенности восприятия им различных философских концепций, повлиявших на его мировоззрение и творчество. Волновавшие писателя вопросы о движущих силах истории, назначении человека и смысле жизни, взаимоотношениях личности и коллектива, веры и религии, свободы и необходимости, гуманизма и жестокости продолжают занимать умы людей XXI века. Слово писателя, обращенное к конкретному лицу и выраженное в эпистолярной форме, является важной составляющей единого текста, источника, который необходимо учитывать при изучении стилового своеобразия художественных произведений, созданных в рассматриваемый период.

Объект нашего исследования – переписка Максима Горького с Владимиром Поссе, так как в ней поднимаются вопросы мировоззренческого характера, что является принципиально важным для определения особенностей стиля писем, в которых авторы выходят на обсуждение задач искусства.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, показать, что эпистолярный дискурс, характерный для писем к В. Поссе, позволяет судить об особенностях организации монологического высказывания, в котором отражается образ адресанта и адресата; во-вторых, исследовать лингвокультурную специфику писем, так как она является ценным материалом для описания языковой личности автора; в-третьих, показать, что речевой портрет позволяет судить об особенностях мировоззрения М. Горького рассматриваемого периода.

В процессе анализа материала были использованы историко-функциональный, биографический методы исследования, а также элементы герменевтического подхода.

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные творчеству М. Горького в целом и его эпистолярному наследию в частности (Заика, 1982; Захарова, 2018; Роле, 2004; Примочкина, 2020; Спиридонова, 2022; Шуган, 2002; Язикова, 2018), а также теории речевого портрета. В работах А. И. Овчаренко (1997) было обосновано положение о необходимости привлекать письма писателя к исследованию его художественных произведений, не ограничиваясь извлечением из них сведений биографического характера. Научные принципы комментирования эпистолярия писателя были предложены в работе К. Д. Муратовой (1988), считавшей одним из главных принципов при подготовке писем к печати уточнение датировки их написания и получения адресатом. Исследование писем на широком историко-культурном фоне и введение их содержания в литературный процесс эпохи было предпринято О. В. Быстровой (2011), коммуникативные особенности эпистолярного стиля, в частности функции «чужого» слова, введенного в текст письма, рассмотрены М. Г. Уртминцевой (2018; 2020). Принимая во внимание тот факт, что речевой портрет является предметом литературоведческой теоретической рефлексии, рассматривающей его как важнейшую составляющую художественного образа персонажа (Мартьянова, 1997), в нашем исследовании мы опирались также на лингвистические работы, в частности на функциональный подход при характеристике речевого эпистолярного портрета, в котором отражается связь языка определенной эпохи и речи языковой личности (Караулов, 2010).

Материалом исследования явился эпистолярный М. Горького: Архив А. М. Горького (Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук). КГ-П59-1-14; Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24-х т. М.: Наука, 1997. Т. 1. Письма 1888–1899. Т. 2. Письма 1900–1901; Горький М. Запрещенное. О писателе, который зазнался. Перед лицом жизни. Весенние мелодии. Л. Толстой, Царю и его помощникам. Берлин: Изд-е Гуго Штейница, 1902. Кроме того, в качестве справочного материала были задействованы следующие словари: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: св. 136000 словарных статей, ок. 250000 семантических единиц: в 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1-2; Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 5-е, испр. и доп. Назрань, 2010; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 2500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: Азъ, 1992; Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской книги, 2008.

Практическая значимость данного исследования очевидна в силу недостаточной изученности переписки М. Горького с В. Поссе, в центре которой обсуждение литературной жизни России эпохи рубежа веков. Рассмотрение писем корреспондентов как единого текста стало основанием для выявления характерных черт речевого портрета писателя, проявившихся в стиловом неоднородности письменных сообщений. Результаты исследования заключаются в том, что предложенный подход к изучению письма как текста, возникающего в результате диалога, может быть использован при рассмотрении эпистолярного наследия других писателей. Полученные результаты могут найти применение в курсе «История отечественной литературы XX века», в спецкурсах по творчеству Горького, в процессе преподавания дисциплин «Филологическая герменевтика», «История русского литературного языка».

Обсуждение и результаты

Исследуя художественные произведения М. Горького, его публицистику, современные исследователи обращаются к проблемам авторской концепции действительности, которая оказывала существенное влияние на формирование литературного процесса в России и мире, обсуждалась в переписке его с творческой интеллигенцией

конца XIX – начала XX века (Примочкина, 2020; Захарова, 2018; Уртминцева, 2020). В примечаниях к первому тому писем отмечено, что «в целом эпистолярный портрет Горького 1890-х годов воссоздает человека мятежного и мятущегося, неустоявшегося в своих мыслях и настроениях, превыше всего ценящего свободу и одновременно стремящегося “сбить артель единомышленников, сначала для основания трудовой земледельческой колонии (мечта ‘сесть на землю’ держалась до осени 1895 г.), затем – для литературно-общественного дела (мысли о газете и журнале)”» (Петрова, 1997, с. 393).

В настоящее время в распоряжении исследователей имеется восемь писем М. Горького к В. Поссе: три написаны в период с 1897 по 1899 год и пять – в 1900-1901 годы. Письма Горького рассматриваемого периода были прокомментированы А. И. Овчаренко (1997), С. В. Заикой (1982), К. Д. Муратовой (1988). В работах названных исследователей эпистолярный Горького рассматривался прежде всего как документальное свидетельство, характеризующее историческую эпоху, как основание для интерпретации его произведений. Во вступительной статье к полному собранию писем М. Горького А. И. Овчаренко (1997) отмечал со ссылкой на признание Горького, что говорить о самом важном для себя Горький учился на письмах. Одними из важнейших проблем исследования писем Горького в настоящее время по-прежнему остаются проблемы эдиции, принципов комментирования эпистолярного источника текста, его коммуникативных особенностей (Спиридонова, 2022; Быстрова, 2011; Шуган, 2002; Уртминцева, 2018), однако исследование такой особенности горьковского эпистолярного, как речевой портрет писателя, отражающий специфику его письменной коммуникации, дает основание судить о формировании его художественного и публицистического стиля.

В литературоведческих работах функция речевого портрета, как правило, рассматривается на материале художественной литературы как важнейшее средство создания образа героя, характеризующее специфику его диалогических отношений с автором, авторскую концепцию личности персонажа, особенности его психологии (Бахтин, 1979; Хализев, 2013; Мартыанова, 1997).

В лингвистических исследованиях понятие речевого портрета является предметом теоретических дискуссий и представлено несколькими подходами к характеристике данного феномена (Виноградов, 1980; Караулов, 2010; Языкова, 2018). Функциональный подход связывает речевой портрет с особенностями функционирования языка в определенную историческую эпоху, рассматривает его как «воплощенную в речи языковую личность определенной социальной общности» (Леорда, 2006, с. 6). Дискурсивный подход разделяет категории «речевой портрет» и «языковая личность» на основании того, что первая категория характеризует стилиевые особенности текста, то есть «воздействующий набор речевых сигналов некоторой грамматической категории в дискурсе отправителя текста» (Матвеева, Зюбина, 2016, с. 65), тогда как языковая личность писателя проявляет себя в созданной им картине мира, то есть ее исследование требует обращения к значительному количеству созданных им текстов. В нашей работе мы будем опираться на функциональный подход в анализе речевого портрета, так как эпистолярный дискурс существенно отличается от художественного тем, что в нем особенности проявления языковой личности зависят от контекста письма корреспондента, своеобразия его личности. Эпистолярная коммуникация имеет определенную цель: воздействовать на собеседника, донести информацию, дать оценку происходящим событиям. При этом личность, ведущая дискурс, затрагивая те или иные проблемы, выбирает определенные речевые стратегии, характеризующие ее речевые привычки на всех уровнях языка, что позволяет составить ее речевой портрет.

Рассмотрим с этих позиций речевой портрет М. Горького в переписке с В. Поссе, который отражает особенность речевых привычек Горького в использовании языковых единиц и его речевого поведения. Стилистическую манеру имитации разговорной речи, характерную для эпистолярного дискурса Горького, можно назвать его речевой привычкой, характеризующей его речевой портрет. Эти приемы высказывания используются писателем практически во всех ситуациях общения: сообщение адресату о каком-либо важном для него событии, просьба, совет, информирование собеседника о своей оценке факта или явления общественной жизни и, как следствие, конативной реакции.

Например, в одном из первых нижегородских писем к В. Поссе от 27 февраля 1897 г. М. Горький советует начать обличительную кампанию против одного из критиков и публицистов газеты «Новое время» В. П. Буренина, пропагандировавшего цинический реализм в искусстве, который, по мнению критика, соответствует запросам самого многочисленного массового читателя, не требующего от литературы интеллектуального наслаждения. В своих статьях В. П. Буренин высказывался за утилитарно-практическое значение литературы, выступая против любых проявлений в ней политических идей, считая, что за партийными и идейными декларациями скрываются корыстные мотивы (Игнатова, 2012). В. П. Буренин был против идеализации действительности и говорил, что читателя надо знакомить с жестокой реальностью: цинизм, характерный для современности, должен найти отражение и в литературе, отмечал критик. Жанр фельетона, непринужденный диалог с читателем способствовали успеху идей Буренина у определенной категории читателей. Значительная часть литераторов разных взглядов приняли участие в кампании против Буренина. К ним присоединился и Поссе, в знак протеста против деятельности Буренина и его единомышленников планируя опубликовать стихотворение В. Г. Тана (Богораза) «Разбойникам пера». Горький также не остается в стороне от начавшейся газетно-журнальной войны, о чем говорит рассматриваемое нами письмо. Обращаясь к корреспонденту, Горький начинает фразу с придаточного предложения, что подчеркивает неприятие главной мысли критика об утилитарной роли литературы и дает иронически окрашенный совет: «Для *употребления* (выделено нами. – Н. К.) против Буренина рекомендую “Искру”» (1997, т. 1, с. 316), то есть газету определенной политической направленности, что, как мы уже говорили, с точки зрения Буренина квалифицировалось как цинизм, проявление корыстных интересов.

Вопрос об отношениях писателя и читателя поднимается и в другом письме к В. Поссе, когда в ответ на упреки последнего в том, что он сотрудничает в «Северном курьере», М. Горький пишет: «...не мешало бы спросить меня, желаю ли я вступать с читателем в амикошонские отношения и слышать его отзывы о том, нравится ли ему моя работа» (1997, т. 1, с. 385). Как следует из структуры высказывания, Горький довольно резко отстаивает право на независимость своих суждений от чьего-либо мнения, в том числе и мнения самого Поссе. По-видимому, писатель не случайно использует разговорное и устаревшее слово «амикошонство», подчеркивающее «чрезмерную фамильярность, бесцеремонность в обращении под видом дружеского» (Ефремова, 2020, т. 1).

Важно отметить, что иногда М. Горький, не выражая прямо оценку сказанного В. Поссе, делал пометы в тексте его письма, как бы продолжая диалог с корреспондентом. Известно, что как редактор журнала «Жизнь» Поссе чрезвычайно ревностно относился к сотрудничеству Горького с другими современными изданиями, в частности, предупреждал об опасности сотрудничества с издателем журнала «Для всех» В. И. Миролюбовым. В письме к Горькому Поссе характеризует Миролюбова как человека с самодержавными наклонностями и поразительным недоверием к людям, с которым легко поругаться. На очередном письме Поссе от 5 января 1899 года с критикой Миролюбова Горький ставит помету: «Чем более склонен человек к обличению – тем менее он способен научить» (Архив А. М. Горького, КГ-П59-1-14).

Намечавшиеся с конца 1890-х годов разногласия между М. Горьким и В. Поссе все более обостряются в начале 1900-х годов, что получает отражение в проблематике и стилистике писем, касающихся вопросов религии, философии, понимания задач литературы. Письма начала 1900-х годов приобретают стилистическую неоднородность: тексты сочетают интонацию доверительно-исповедальную и резко негативную. Так, в письме к Поссе от сентября 1901 года Горький, обращаясь к адресату, в ответ на его фразу: «Без религии нельзя жить?» – пишет: «На кой *чорт* тебе какая-то религия, если ты не чувствуешь себя в силе создать свою? И как можешь ты принять что-то чужое, раз ты сам – и Бог, и Кант, и источник всякой мудрости и пакости?» (1997, т. 2, с. 174). Употребляя разговорно-сниженный вариант вопроса «зачем?», Горький выражает резко отрицательное отношение к официальной религии, однако гораздо более важно включение в суждение имени Канта – автора книги «Доказательство бытия Бога», где немецкий философ приводит шестое доказательство бытия Бога – категорический императив, суть которого заключается в том, чтобы каждый человек подчинялся всеобщим нравственным законам морали и совести независимо от его социального положения (Кант, 2021). Эта фраза ярко демонстрирует явное несогласие писателя с кантовским императивом. В каждом человеке, считает Горький, имея в виду и себя тоже, заключен «источник всякой мудрости и пакости», то есть духовная гармония – вещь трудно достижимая как для отдельного человека, так и в современном мире. С другой стороны, ницшеанская идея сильной личности, его лозунг «Бог умер!» открывали простор для свободы воли. Конечно, не в последнюю очередь в этой фразе обнаруживается и будущий замысел повести Горького «Исповедь» (1908), где писатель выстраивает свою концепцию «бога-народушки».

В этом же письме М. Горький, называя религию «кисло-сладким кисельком», упоминает имя немецкого философа Фихте, по-своему трактуя его тезис о трех основных проявлениях природы человека: нравственности, духовности и разумности, соединение которых при осознанном волевом усилии есть верный путь к идеалу, впрочем, в пределах человеческой жизни всегда недостижимому. «На кой чорт мне, – восклицает Горький, – этот кисло-сладкий киселек, когда я могу самого Фихте снабдить идеализмом, сидящим в крови моей, в мозгу, в душе?» (1997, т. 2, с. 174), что следует понимать как убежденность писателя в том, что человек без помощи Бога способен создать мир, так как «существует только человек, все же прочее есть мнение» (1997, т. 2, с. 174). Текст письма отражает особенности идиолекта писателя, для которого характерно нарушение норм орфографии в целях имитации разговорной речи и тем самым придания письму большей выразительности, доказывая корреспонденту, что для него «эталонами оценки достоинства человека... служат сила его личности, аутентичность созданной им собственной истины» (Роле, 2004, с. 621-623).

Тон писем к 1900-м годам меняется на фоне общественно-политической ситуации в России. М. Горький уже чувствует возможным полемизировать с В. Поссе или даже оставлять без внимания некоторые комментарии своего друга потому, что адресат находится за границей. Например, в письме от 25 ноября 1900 года Горький, отвечая на письмо Поссе, который не рекомендует ему публиковать памфлет «О писателе, который зазнался», мотивируя это тем, что «что-то в нем неладное, а главное не сильно», не вступает с ним в дискуссию, считая, что это бессмысленно, и усиливает нежелание обсуждать использованием просторечия «наплевать»: «Но мы с тобой, – обрывает диалог Горький, – не будем говорить об этом пункте, *наплевать...*» (1997, т. 2, с. 72). В памфлете Горький резко высказывается о публике, раболепствующей перед произволом властей. Поссе считал, что это отпугнет от Горького читателей, но, как следует из ответа писателя, даже упрек критика в отсутствии художественной мотивированности «фантазии» не убедил писателя, о чем говорит публикация произведения сначала в Москве в марте 1901 года литографским способом, затем в газете «Русский Туркестан» в октябре 1901 года (№ 211 от 31 октября и № 215 от 4 ноября), а потом и в зарубежном издании (Горький, 1902).

Тематический подход исследования писем М. Горького к В. Поссе выявил наличие микросюжетов, связанных и с проблемами современной журнальной литературы. В одном из обстоятельных писем к Поссе от начала декабря 1901 года Горький поднимает вопрос о судьбе журнала «Жизнь», находящегося на грани закрытия. Он уведомляет Поссе о деятельности редактора журнала «Вестник всемирной истории» М. В. Головинского, человека весьма сомнительной репутации, использующего бесчестные способы борьбы с конкурирующими изданиями. Незаконным путем Головинский раздобыл адреса подписчиков «Жизни», переживающей финансовый кризис, и воспользовался ими для рассылки объявления об издании «Вестника всемирной истории».

Горький (1997, т. 2, с. 420) сообщает Поссе, что в объявлении к изданию М. В. Головинский информировал читателей о публикации в журнале конца повести М. Горького «Трое», не получив на это согласия автора, а затем явился к нему с просьбой дать рукопись для публикации. Для большей убедительности Горький помещает в свое письмо к Поссе обращение к нему М. В. Головинского, предоставляя адресату возможность убедиться в непорядочности последнего. «Письмо это нахожу неприличным и оскорбительным для товарищей по “Жизни”. Подчеркнутые места, – пишет Горький, – свидетельствуют или о том, что этот Гол. глуп, или же он – прохвост» (1997, т. 2, с. 214). Письмо, проливающее свет на литературно-журнальную борьбу начала 1900-х годов, свидетельствует о привычке Горького-читателя пометать карандашом особенно важные для него места текста. Он читает письмо Головинского с карандашом в руках, выделяя подчеркиванием наиболее возмущившие его места. Фраза Головинского, содержащая утверждение, что отказ Горького в сотрудничестве скажется на судьбе корреспондентов: «...наше издание последний приют многих. Неужели Вы не поддержите это убежище и *выгоните на улицу* большинство <...> иностранных корреспондентов <...> Мне лично не надо ничего, кроме друзей... *в эту минуту*» (курсивом выделено подчеркнутое Горьким) (1997, т. 2, с. 214). По сути своей слова, подчеркнутые писателем, были справедливо истолкованы им как попытка перенести вину за возможный провал журнала на Горького, что и стало основанием для вынесения вердикта Головинскому – «прохвост», то есть «подлец, негодяй, мошенник» (Ефремова, 2000, т. 2), «подлец, негодяй» (Ожегов, Шведова, 1992), «непорядочный человек, подлец, негодяй» (Ушаков, 2008). Поскольку Головинский прислал Горькому комплект журнала, то у Горького была также возможность оценить характер издания в целом: «Засим: в журнале была помещена статья Меньшикова – *дрянная*, воспоминания Микешина-художника о Лорис-Меликове – тоже *чорт знает* какие, и вообще – *дряни в нем – куча*» (1997, т. 2, с. 214). В статье с программным для журнала названием «Вестник истории» М. О. Меньшиков отстаивал необходимость «охраняющей силы», сдерживающей «стремительный бег нашей цивилизации», что не могло не вызвать негодования Горького (1997, т. 2, с. 420) и употребления им такого уничижительного эпитета. В этом письме проявляется такая речевая привычка писателя, определяющая его речевой портрет, как использование тире, заполняющего интонационные и смысловые лакуны высказываний.

Переходя от обсуждения ситуации с «Жизнью», М. Горький весьма показательно высказывается по поводу публикации В. Поссе «Писем с Запада», где он выступает с критикой западного образа жизни. Горький использует прием парадокса, будучи убежденным в том, что русскому обывателю нужно знать, что хорошо в Европе, так как это «может вызвать у обывателя жадность, зависть, обиду за себя и другие подобные – прогрессивные – эмоции и чувства... Дело в том, что у обывателя такое настроение, “чтобы протестовать”. В этом следует ему помочь, ибо это хорошее намерение...» (1997, т. 2, с. 215). Речь идет о побуждении обывателя (человека, живущего личными интересами, равнодушного к общественной жизни) к активному противодействию режиму независимо от того, что станет мотивом (жадность, зависть, обида или сознательное желание борьбы) проявления прогрессивных эмоций. Обратим внимание на словосочетание «прогрессивные эмоции». Горький решительно осуждал созерцательную жизнь. Он всегда восхвалял человека ищущего,двигающегося вперед к преобразованию мира, был верен своему принципу «восстающего – поддержи».

Речевой портрет М. Горького в эпистолярной характеристике используется использование таких стилистических приемов, как рассеянное разноречие и косвенная речь, выступающих в роли основных при осуществлении акта коммуникации. При этом можно отметить, что, реагируя на критические замечания или высказывая критические суждения в адрес лица или по поводу факта, Горький, как правило, включает в свой текст отдельные слова, фразы других людей, которые при этом не отграничены от его собственных. Если же речь идет о философских категориях, он избегает цитирования, стараясь в форме косвенной речи передать свое понимание той или иной философской мысли. Примером рассеянного разноречия является восклицание Горького в этом же письме: «Ты говоришь, что “сознательное существо – недоразумение природы”. Пускай, но оно существует, стало быть, оно есть реальный факт, и – только оно сознает, стало быть, оно вольно творит себе [мир] жизнь по желанию своему, Бога же по образу и подобию своему создал человек? И жизнь создает, как пожелает» (1997, т. 2, с. 174). Горький говорит на языке Поссе, используя его выражения в качестве мотива для дальнейшего развертывания высказывания. Возвращаясь к теме религии, считая, что этот вопрос приобретает особую актуальность, в сентябрьском письме 1901 года из Оленина, в непростое время их взаимоотношений, Горький напоминает Поссе ранее сказанную им фразу, монтируя ее в собственный текст: «*Так как ты тоже однажды писал мне, что “без религии жить нельзя”*» (выделено нами. – Н. К.), то я считаю долгом товарища известить тебя о затее сей достопочтенной компании юридивых и жуликов, дабы ты, душечка, понял, кому именно без религии нельзя жить» (1997, т. 2, с. 208), – и развивает дальше религиозно-философскую полемику, о которой мы упоминали выше в русле философских взглядов Горького.

Наряду с широким кругом обсуждаемых вопросов, одной из главных особенностей речевого портрета М. Горького, безусловно, является его лексика, поскольку именно в ней актуализируются ассоциативно-вербальный и тезаурусный уровни языковой личности. Преобладают в письмах к В. Поссе стилистически сниженная, оценочная лексика, просторечия, которые используются «в эмоциональных речевых ситуациях, при дружеских и фамильярных отношениях» (Жеребило, 2010, с. 173). В письмах Горького можно обнаружить ряд концептуальных лексем, с помощью которых писатель создает «портрет» внутренней сущности адресата. Он определяет ее с помощью концепта ОГОНЬ и лексем с периферийным значением, характеризующих Поссе как человека, который способен «согреть», «сжечь», «осветить», как натуру «пылкую», «горячо» отстаивающую свое мнение.

«Ты мне дорог, ибо ты в глазах моих – величина, нужный жизни человек, – пишет Горький, – ты – *огонь* и многое не только *осветить* и *согреть*, но – *сжечь* можешь» (1997, т. 2, с. 175). Использование в письме метафорического образа человека-огня, по-видимому, связано с тем, что Горький имел в виду огромное влияние Поссе на литературную жизнь современности. Обладая широкими связями, Поссе способствует продвижению издательской деятельности Горького, хлопочет о его освобождении из-под ареста в Тифлисе. Горького привлекает в Поссе «жизнедеятельность, которая так и бьет из него как ключ из горы» (1997, т. 1, с. 295), как он выражается в письме к своему первому издателю С. Д. Дороватовскому. Глагол «сжечь» в характеристике Поссе может быть мотивирован тем, что довольно часто их мнения не совпадали по ряду принципиальных вопросов, касающихся религии, этики взаимоотношений с читателями и литературными соратниками. Письмо к Поссе, датированное сентябрем 1901 года, из Олени Горький начинает словами: «...люблю в тебе *пылкую* душу», называя адресата человеком, «который горячо умеет передавать» (1997, т. 2, с. 174) звуки новой жизни. Подобного рода речевые трансформации, дружеские экспликации «по-горьковски» – частое явление в речевом эпистолярном портрете писателя. При этом антропонимы всегда сопровождаются, как мы видим, определениями, характеризующими близкое, дружественное отношение к адресату.

Значительное место в переписке с В. Поссе принадлежит обсуждению проблем, связанных с начинающими писателями. В этих письмах преобладает интонация, присущая литературному авторитету, который уже приобрел М. Горький. Известно, что Горький при непосредственном участии Поссе способствует публикации произведений Л. Андреева, И. Бунина, К. Бальмонта, С. Петрова (Скитальца). По письмам начала 1900-х годов можно судить об интенсивной редакторской деятельности Горького. Горький пользуется фразеологизмами, нарушая правила употребления грамматических категорий для передачи степени ответственности за рекомендуемые Поссе к публикации вещи, с которыми он «неохотно» соглашается: «Со *скрежетом* зубовым и *скрепя* сердце послал в “Мир Божий” рассказ Скитальца “Сквозь строй”...» (1997, т. 2, с. 183). «Скрежет зубовый» (по-видимому, Горький имел в виду первоначальное значение фразеологизма, отсылающее к евангельским описаниям мук ада) в сочетании с другим фразеологизмом «скрепя сердце» (то есть крепиться, терпеть, сдерживать себя) показывает стремление Горького поддержать писателя «из крестьян», помочь ему материально, прекрасно понимая, что его автобиографическая повесть «Сквозь строй» была близка Горькому, так же как и герой повести, прошедший через жестокие испытания детства и юности. «Убежденность в общественно-литературной значимости своего таланта, – пишет исследователь, – не мешала Горькому видеть значимое в творчестве других авторов» (Муратова, 1988, с. 221).

Тема литературного наставничества связана с горьковской концепцией человека, его раздумьями о природе гуманизма. Научить молодое поколение правильно воспринимать трагизм бытия и понимать истинное предназначение человека, его природу – и есть одна из задач писателя в эпоху идейного кризиса, эпоху разброда и шатаний, о чем он пишет В. Поссе в сентябре 1901 года с характерным для речевого портрета Горького тоном дидактизма: «Существует только человек, все же прочее есть мнение <...> Все рассказывается, тебе, товарищ, не ради возвеличения Горького в твоих глазах, а во свидетельство настроения, которым *все более* проникается лучшая часть русской публики» (1997, т. 2, с. 174). Подобные суждения Горького вызваны следующими обстоятельствами. Поссе находится в ссылке в Берлине в состоянии ужасной депрессии, и Горький, подбадривая своего друга, говорит о грядущих изменениях в обществе, о волнениях и забастовках, которыми охвачено общество, в особенности молодое поколение. Горький отвергает концепцию нравственного перерождения человека через сострадание к нему, являясь яростным противником идеалистических идей, считая их утопическими. В свой экспрессивной манере он восклицает: «И ежели у меня умрет сын, – что люблю всего больше, – тоже буду молчать и тоже пошлю ко всем чертям всех сожалеющих. Нет, я не хочу доставлять удовольствия мещанам, а сожаление есть их удовольствие» (Горький, 1997, т. 2, с. 174). Горький ненавидел чувство сострадания и призывал Поссе, обнажающего свои душевные раны, не вызывать к себе жалость, а смириться и терпеть. Горький убежден, что лишь бодрые и живые духом люди являются залогом обновленного будущего.

Заключение

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, речевой портрет адресанта, представляя собой монологическую форму высказывания, является по сути своей диалогом, для которого характерны следующие дискурсивные приемы: воспроизведение речи адресата, расчет на его коммуникативное ожидание, интерпретация речевой коммуникации с корреспондентом, побуждающие к продолжению диалога.

Во-вторых, для рассмотренной переписки характерны использование интонации разговорной речи, просторечная лексика, использование приема разноречия, косвенной речи вместо цитирования, что обусловлено ярко выраженной эмоциональной интенциональностью речевого поведения писателя и особенностями его языковой личности в целом.

И наконец, рассмотренные нами особенности переписки дают основание рассматривать ее как «единый текст», содержащий повторяющиеся проблемно-тематические блоки, в речевом оформлении которых (биографический, религиозно-философский, литературно-критический) используются устойчивые речевые приемы.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном анализе творческого наследия писателя, в частности его эпистолярия как важной составляющей «единого текста» писателя.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.
2. Быстрова О. В. Горьковский период // Три века «Литературной газеты»: антология. М.: Литературная газета, 2011.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1980.
4. Заика С. В. Творчество А. М. Горького и проблемы литературной преемственности: 90-е – начало 900-х годов // Русская литература. 1982. № 1.
5. Захарова В. Т. Роль русского Севера в формировании социально-исторических воззрений М. Горького (по роману «Жизнь Клима Самгина») // М. Горький: уроки истории. Горьковские чтения – 2014: мат. XXXVI междунар. науч. конф. Н. Новгород: БегемотНН, 2018.
6. Игнатова И. В. П. Буренин в «Новом времени» (1876-1900) // Новое литературное обозрение. 2012. № 118.
7. Кант И. Доказательство бытия Бога. М.: АСТ, 2021.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: ЛКИ, 2010.
9. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2006.
10. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972.
11. Мартыянова С. А. Образ человека в литературе: от типа к индивидуальности и личности. Владимир: Изд-во Владимирского государственного педагогического университета, 1997.
12. Матвеева Г. Г., Зюбина И. А. Речевая привычка как основа речевого портрета говорящего (на материале британского политического дискурса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». 2016. Т. 15. № 4.
13. Муратова К. Д. Эпистолярное наследие М. Горького // Русская литература. 1988. № 2.
14. Овчаренко А. И. Письма Максима Горького // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24-х т. М.: Наука, 1997. Т. 1. Письма 1888-1899.
15. Петрова М. Г. Примечания к 1 тому // Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24-х т. М.: Наука, 1997. Т. 1. Письма 1888-1899.
16. Примочкина Н. Н. Демонология в художественном мире М. Горького // Мировое значение творчества М. Горького. М.: Изд-во Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2020. Вып. 15 / под ред. Л. А. Спиридоновой.
17. Роле С. О рецепции раннего Горького // Максим Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения – 2002. Н. Новгород, 2004.
18. Спиридонова Л. М. Горький – мыслитель, художник. М.: Изд-во Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2022.
19. Уртминцева М. Г. Псевдоним в публицистике М. Горького (по неопубликованным материалам газеты «Нижегородский листок») // Мировое значение творчества М. Горького. Горьковские чтения – 2018: мат. XXXVIII междунар. науч. конф. Н. Новгород: БегемотНН, 2018.
20. Уртминцева М. Г. Эпистолярный дискурс М. Горького (1901-1902): к вопросу о способах дешифровки культурного кода // Слово. Текст. Источник: методология современного гуманитарного исследования: мат. междунар. науч. конф. (г. Москва, 2-3 декабря 2020 г.). М.: Изд-во Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2020.
21. Хализев В. Е. Теория литературы. Изд-е 6-е, испр. М.: Академия, 2013.
22. Шуган О. В. Рассказ М. Горького «Челкаш» (новый аспект) // Максим Горький – художник: проблемы, итоги, перспективы изучения. Горьковские чтения – 2000 (г. Нижний Новгород, 27-28 марта 2000 г.). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2002.
23. Язикова Ю. С. Проблема нищестанства М. Горького (лингвистический аспект) // Нижегородское горьковедение: история и современность: сб. науч. ст. Н. Новгород: БегемотНН, 2018.

Информация об авторах | Author information**Караханян Нарине Жораевна¹**¹ Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского**Karakhanyan Narine Joraevna¹**¹ Lobachevski State University of Nizhny Novgorod¹ narine.80@list.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 20.04.2023; опубликовано (published): 15.06.2023.

Ключевые слова (keywords): М. Горький; В. Поссе; индивидуальный стиль; эпистолярный текст; речевой портрет; M. Gorky; V. Posse; individual style; epistolary text; speech portrait.